

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ 2020 г. И МЕХАНИЗМ ПРАВОСУДИЯ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

© 2020 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 14.07.2020 г.

Аннотация. Рассматриваются и анализируются нововведения 2020 г. в Конституцию РФ, относящиеся к отечественному организационно-правовому механизму правосудия. Рассмотрены проблемные аспекты нововведений, связанные со статусными требованиями к кандидатам на должность судьи, а также с созданной этими нововведениями конституционной ответственности судей. Серьезное внимание уделено проблематике переориентации всего трехсоставного механизма судебной власти на создание и достижение главной цели правосудия — вынесение справедливых судебных актов, чему места в Конституции РФ и после ее реформы в 2020 г. не нашлось. Одним из средств обеспечения достижения этой цели автор полагает более глубокую специализацию в правосудии, для чего обосновывает и предлагает радикальное преобразование всей судебной системы, посредством чего будет создано пять полностью самостоятельных судебных систем (по числу пяти видов судопроизводств, провозглашенных в новых редакциях ч. 2 ст. 118 и ч. 3 ст. 128 Конституции РФ, примеры чего есть в некоторых зарубежных государствах). Эффективному правосудному функционированию новой судебной системы и повышению эффективности судопроизводственной и судебско-статусной составляющей механизма правосудия поспособствует реализация предложения о создании принципиально нового для нас конституционно-государственно-властного органа, олицетворяющего судебную ветвь государственной власти, но не являющегося судебным органом, — Совет судебной власти РФ, чего у нас пока нет (но который вполне реально мог появиться в 1993 и в 2001 гг.), однако он широко представлен примерно в половине государств мира, и нужда в нём у нас велика.

Ключевые слова: механизм правосудия, нововведения 2020 г. в Конституцию РФ, обеспечение справедливого правосудия, новые судебные системы, Совет судебной власти РФ.

Цитирование: Клеандров М.И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 7–23.

DOI: 10.31857/S102694520012228-1

CONSTITUTIONAL CHANGES IN 2020 AND THE MECHANISM OF JUSTICE: PROS AND CONS

© 2020 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 14.07.2020

Abstract. The article considers and analyzes the innovations of 2020 to the Constitution of the Russian Federation related to the domestic organizational and legal mechanism of justice. The problematic aspects of innovations related to the status requirements for candidates for the position of judge, as well as the constitutional responsibility of judges created by these innovations, are considered. Serious attention is paid to the problem of reorienting the

entire three – part mechanism of the judicial power to create and achieve the main goal of justice-passing fair judicial acts, which has no place in the Constitution of the Russian Federation even after its reform in 2020. One means of achieving this goal the author believes a deeper specialization of justice, which justifies and proposes a radical transformation of the entire judicial system, through which you will create five fully independent judicial systems (the number of five types of proceedings, enshrined in a new edition of part 2 of article 118 and part 3 of article 128 of the Constitution of the Russian Federation, examples of which are in some foreign countries). The effective judicial functioning of the new judicial system and the improvement of the efficiency of the judicial and judicial-status component of the justice mechanism will be facilitated by the implementation of the proposal to create a fundamentally new constitutional state authority that represents the judicial branch of state power, but is not a judicial body – the Council of judicial power, which we do not yet have (but which could have appeared in 1993 and 2001), which is widely represented in about half of the world's States, and is in great need of it.

Key words: mechanism of justice, innovations in the Constitution of the Russian Federation in 2020, ensuring fair justice, new judicial systems, Council of the judicial power of the Russian Federation.

For citation: Kleandrov, M.I. (2020). Constitutional changes in 2020 and the mechanism of justice: pros and cons // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 7–23.

Проведенная в 2020 г. серьезная корректировка Конституции РФ (изменение и дополнение редакций прежних конституционных положений), как и включение в нее новых, в т.ч. принципиально новых, положений, заслуживают оценки в качестве конституционной реформы. В значительной части эта реформа затронула и те государственные устои нашей страны, которые составляют совокупный организационно-правовой механизм правосудия.

Нормы о правосудии в обновленной в 2020 г. Конституции РФ занимают серьезное место (это, где содержатся положения со словами «суд», «судебная власть», «судебное решение», «правосудие», «судебная защита», «судоустройство», «судебные органы», «судьи», «судопроизводство»): ст. 10, 11 (ч. 1), 19 (ч. 1), 20 (ч. 2), 22 (ч. 2), 23 (ч. 2), 25, 32 (ч. 5), 35 (ч. 3), 46 (ч. 1), 47 (ч. 1, 2), 49 (ч. 1), 50 (ч. 2, 3), 71 (п. «г», «о»), 72 (п. «л» ч. 1), 83 (п. «е», «е³»), 93 (ч. 1), 102 (п. «ж», «л» ч. 1), 104 (ч. 1), 107 (ч. 3), 108 (ч. 2), 118 (все три части), 119, 120 (обе части), 121 (обе части), 122 (обе части), 123 (все четыре части), 124, 125 (все восемь частей), 126, 128 (все три части) и 133.

При этом в первых двух главах Конституции РФ (в приведенном перечне – до ст. 50 включительно) нововведений, как известно, не могло быть, хотя в ряде статей они «прямо напрашиваются», как, впрочем, и в ряде других глав, где они были бы целесообразны (даже желательны), но не состоялись. Изменению же редакций либо введению новых положений в результате коррекции Конституции РФ в 2020 г. подверглись её ст. 83, 93, 102, 107, 108, 118–126, 128.

В принципе речь идет об изменениях и дополнениях Конституции РФ, произведенных в 2020 г., которые можно – в части механизма правосудия – классифицировать как: а) позитивные; б) негативные; в) не состоявшиеся, но необходимые. Но эти изменения – сущностные, а не отчетливо редакционные, и отнести каждое нововведение к какому-либо (из названных) классификационному

виду не представляется возможным. К тому же не все конституционные нововведения значимы, поэтому есть смысл не останавливаться на малозначительных.

Как известно, в Древней Византии хорошо организованный государственный аппарат – в период её могущества и в воззрениях того времени – именовался симфонией. Стал ли такой «симфонией» организационно-правовой механизм правосудия, где все три его составляющих (судоустройственная, судопооизводительная и судьейско-статусная) функционируют синхронно, сбалансированно, высокопрофессионально и нацелены на решение стратегической задачи: выносить справедливые судебные акты – после и в результате конституционной реформы 2020 г.? К сожалению, считать так нет оснований.

В отечественной научной юридической литературе наблюдается всплеск интереса к проблематике конституционной реформы 2020 г. как общего плана¹, так и в ее сегменте о правосудии². Но, поскольку эта проблематика безгранична, места для научных исследований хватит всем.

¹ См., напр.: *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24; *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль “Ex ante” как институт отечественного зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С. 7–18.

² См., в частности: *Стеничкин Н.Г.* Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex Russica. Т. 73. 2020. № 5 (162). С. 41–52; *Корсаков Д.Н.* О поправках в Конституцию Российской Федерации, регулирующих статус и полномочия органов судебной власти // Росс. юстиция. 2020. № 7. 2020. С. 55–58; *Джаваханян Р.М.* Судебная власть: в поисках конституционного баланса // Современное право. 2020. № 3. С. 6–13.

Так как центральным звеном судебной системы, главным двигателем механизма судебной власти является судья, человек государственный, непосредственно вершащий правосудие, начать анализ конституционных нововведений следует с него, с его статуса.

Статья 119 Конституции РФ, в изначальной редакции закрепляющая требования к судьям (гражданство Российской Федерации, возраст более 25 лет, высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, с указанием, что федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации), в 2020 г. была дополнена следующими положениями: «постоянно проживающие в Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Судьям судов Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации».

Это дополнение находится, что называется, в тренде: буквально текстуально оно в 2020 г. было «вмонтировано» также в тексты: п. «г» ст. 71 (ограничения для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы); ст. 77 (в виде внесения дополнения ч. 3 — о требованиях к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации к руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации); ст. 78 (в виде внесения дополнения ч. 5 — о требованиях к руководителю федерального государственного органа); ч. 2 ст. 81 (о требованиях к Президенту РФ); ст. 95 (в виде внесения дополнения ч. 4 — о требованиях к сенатору Российской Федерации); ст. 103 (п. «е» ч. 1 — о требованиях к Уполномоченному по правам человека); ст. 110 (в виде внесения дополнения ч. 4 — о требованиях к Председателю Правительства РФ, федеральным министрам, иным руководителям федеральных органов исполнительной власти).

Однако названные конституционные новации относительно требований к судьям от новаций о требованиях к перечисленным руководящим лицам отличаются принципиально. Статья 119 Конституции РФ как в прежней редакции (1993 г.), так и в новой (2020 г.) посвящена только и исключительно судьям. И требование не иметь гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на

территории иностранного государства, адресованное судьям, было включено в ст. 4 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»³ (далее — Закон о статусе судей) еще Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”»⁴, и с тех пор редакция ст. 4 «Требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи» включала положение, согласно которому судьей может быть гражданин Российской Федерации, в п. 3: «не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

Правда, в середине 90-х годов прошлого века отношение, причем более-менее устоявшееся, к возможности (праву?) судьям иметь также гражданство иного государства было качественно иным. Например, в Постатейном комментарии к Конституции РФ, изданным 24 года назад, в 1996 г., было буквально сказано: «Что касается гражданства, то, как представляется, судьей может быть и гражданин Российской Федерации, имеющий одновременно гражданство другого государства. Во всяком случае Закон “О статусе судей в Российской Федерации” никаких ограничений на этот счет не содержит, а Закон Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. “О гражданстве Российской Федерации” (с изменениями и дополнениями от 17 июня 1993 г. и от 6 февраля 1995 г. — ВВС РФ. 1992. № 6, ст. 243; 1993. № 29, ст. 1112; СЗ РФ. 1995. № 7, ст. 496) устанавливает, что “граждане Российской Федерации, имеющие также иное гражданство, не могут на этом основании быть ограничены в правах..., вытекающих из гражданства Российской Федерации” (ст. 3)»⁵.

Таким образом, закрепленное в процитированном дополнении к ст. 119 Конституции РФ требование к судье постоянно проживать в Российской Федерации представляется несколько завышено абстрактным: представить себе судью, постоянно проживающим вне Российской Федерации и продолжающим осуществлять правосудие, весьма сложно. Но представить необходимость закрепления в 2020 г. в Конституции РФ запрета судье иметь гражданство иностранного государства либо вида на жительство и т.д., уже в 2008 г. запрещенного Федеральным законом, еще сложней. К тому же Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ в этом плане

³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

⁴ См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I), ст. 6229.

⁵ Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996. С. 476 (автор — д-р юрид. наук С.В. Боботов).

была предусмотрена законодательная «подстраховка» на случай наличия у судьи иностранного гражданства и т.д.: с тех пор в числе оснований прекращения полномочий судьи действует установленное п/п. 6 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей такое основание, как «прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

А ситуация с запретом судьям (в обновленной в 2020 г. ст. 119 Конституции РФ) открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, выглядит еще более странно. Здесь дело в том, что еще Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ (в ред. от 01.05.2019 г.) «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»⁶ был установлен названный запрет: 1) в частности: лицам, замещающим (занимающим) государственные должности Российской Федерации и субъектов Федерации, должности федеральной государственной службы, государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации и т.д. (перечень весьма длинен); 1.1) депутатам представительных органов муниципальных районов и городских округов, осуществляющим свои полномочия на постоянной основе, депутатам, замещающим должности в представительных органах муниципальных районов и городских округов (этот запрет введен Федеральным законом от 03.11.2015 г. № 303-ФЗ⁷); 2) супругам и несовершеннолетним детям лиц, указанных в п/п. «а»–«з» п. 1 и п. 1.1 настоящей части (в ред. Федеральных законов от 22.12.2004 г. № 431-ФЗ⁸, от 03.11.2015 г. № 303-ФЗ); 3) иным лицам в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Иными лицами, которым этот запрет установлен федеральными законами, и являются судьи, которым данный запрет был установлен Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные

денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами”»⁹. Этот Закон, дополненный Федеральным законом от 28 декабря 2016 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения понятия “иностранные финансовые инструменты”»¹⁰, внес указанный запрет для судей в Закон о статусе судей в виде его дополнения п/п. 5.1 п. 3 ст. 3, и с тех пор судья не вправе (это полная редакция с 2016 г. действующего п/п. 5.1): «5.1) открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Супруг (супруга) и несовершеннолетние дети судьи также не вправе открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Понятие “иностранные финансовые инструменты” используется в настоящем Федеральном законе в значении, определенном Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ».

Здесь так же, как и в предыдущей ситуации, имеется «страхующая» законодательная норма: п/п. 6.1 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей (введенный в этот Закон Федеральным законом от 07.05.2013 г. № 102-ФЗ) в качестве оснований прекращения полномочий судьи закрепил: «нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

Таким образом, очевидно: редакция обеих проинведенных в 2020 г. дополнений в ст. 119 Конституции РФ полностью поглощается Законом о статусе судей – редакциями его дополнений 2008 и 2013 гг. Предусматривались также и «страхующие» механизмы (в отношении обоих запретов судьям), призванные обеспечить соблюдение этих запретов (закрепленные также в Законе о статусе судей) в его п/п. 6 и 6.1 (добавленных в этот Закон соответственно в 2008 и в 2013 гг.). Наконец, автору этих строк не известно ни одного случая – на практике – нарушения кем-либо из судей какого-либо из двух названных запретов (подобное нарушение, можно быть

⁶ См.: СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2306.

⁷ См.: СЗ РФ. 2015. № 45, ст. 6204.

⁸ См.: СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I), ст. 7542.

⁹ См.: СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2329.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2017. № 1 (ч. I), ст. 46.

уверенным, обязательно стало бы известным в судебской среде, а ведь автор с 1996 по 2016 г. был членом Совета судей РФ, в т.ч. 10 лет — членом Президиума Совета судей РФ).

Так что, зачем закреплённые федеральным законодательством оба запрета для судей было поднимать в 2020 г. на конституционный уровень — попросту непонятно, никаких оснований для этого не просматривается. Вряд ли стоит предполагать, что это сделано в целях недопущения в более-менее отдалённом будущем федеральным законодателем этих запретов, установленных федеральным законом. И одновременно остаётся неясным, почему на конституционный уровень были подняты лишь два названных для судей запрета и остались не поднятыми 12 не менее значимых запретов, закреплённых в п. 3 ст. 3 Закона о статусе судей (замещать иные государственные должности, принадлежать к политическим партиям, заниматься предпринимательской деятельностью и т.д.).

Кроме того, стоит обратить внимание на отсутствие запрета — как в обновлённой в 2020 г. Конституции РФ, так и в федеральном законодательстве — судьям (и иным лицам, названным выше) иметь в зарубежных государствах недвижимое имущество на праве собственности. Нелогично: иметь счета, вклады, денежные средства и ценности в иностранных банках запрещено категорически, а иметь недвижимое имущество можно, причем можно будет его приобретать и после указанных нововведений 2020 г. в Конституцию РФ. Кстати, а как без счетов, денег и ценностей за границей российский собственник недвижимого имущества сможет уплачивать за него различные налоги (включая налог на земельный участок, неразрывно связанный с недвижимым имуществом), оплачивать коммунальные услуги, платить за охрану и т.д.? Это же на какие ухищрения придётся пойти названным собственникам заграничной недвижимости для её содержания?

Далее. В откорректированной в 2020 г. ст. 128 Конституции РФ провозглашено (ч. 1, 2), что председатели, заместители председателей и судьи всех федеральных судов, включая Конституционный и Верховный суды РФ, назначаются в порядке, установленном федеральным конституционным законом. Точнее, в ч. 1 этой статьи — о назначении Председателя, заместителей Председателя и судей Конституционного и Верховного судов РФ Советом Федерации по представлению Президента РФ — о федеральном конституционном законе речь не идет, о нем речь идет в ч. 2 данной статьи — о назначении Президентом РФ председателей, заместителей председателей и судей иных федеральных судов. И такая разница с очевидностью объясняется тем, что конституционная норма ч. 1 ст. 128 фактически (и почти текстуально) совпадает

с вновь введенными в Конституцию РФ положениями п. «е» ст. 83 и п. «ж» ч. 1 ст. 102 (о полномочиях Президента РФ по внесению в Совет Федерации представлений о назначении руководителей и судей Конституционного и Верховного судов РФ и о полномочиях Совета Федерации их назначения на должность по представлению Президента РФ). А уж эти полномочия, как и процедуры их реализации, закреплены в соответствующих федеральных конституционных законах — о Президенте РФ и о Совете Федерации. Это означает скорее всего, что вместо Закона РФ о статусе судей 1992 г. (более чем с 50 доп. и изм.), являющегося федеральным законом, придет на смену федеральный конституционный закон — ведь сложно представить, что узкому вопросу назначения председателей, заместителей председателей и судей федеральных судов (причем за исключением Конституционного и Верховного) будет посвящен специальный федеральный конституционный закон.

Но смущает в этой корректировке одно обстоятельство. В предыдущей (исходной) редакции ч. 1 и 2 ст. 128 Конституции РФ сегментации судейского корпуса на судей (рядовых?), председателей и заместителей председателей судов (руководителей?) не было. Аксиомой является то, что судейский корпус России составляют судьи — и «рядовые», и руководители судов. Быть заместителем председателя суда, как и председателем суда, и не быть при этом судьей невозможно; прекращение полномочий судьи для любого председателя любого суда, как и для любого заместителя председателя любого суда, одновременно и автоматически означает и прекращение полномочий председателя (заместителя председателя) суда. Причем по любым основаниям, но не наоборот: прекращение полномочий председателя (заместителя председателя) суда, например, по истечении установленных сроков (максимум два срока по шесть лет) означает, что он может продолжать работать в том же суде «рядовым» судьей до достижения им возраста 70 лет. И это — широко распространенная практика.

А что означает проведенная в 2020 г. конституционная сегментация судейского корпуса — разделение его на «рядовых» судей и руководителей судов? Повлечет ли она за собой корректировку базового принципа единства статуса судей, ныне закреплённого в ст. 2 Закона о статусе судей? Могут ли теперь в любых судах, включая высшие, быть председатели и заместители председателей судов, не являющиеся судьями? Будут ли эти руководители управлять «своими» судебными органами, без права лично осуществлять правосудие? А если на все эти вопросы ответы отрицательные, в чем глубинный смысл сегментационной корректировки судейского корпуса России частями 1 и 2 ст. 128 Конституции РФ 2020 г.?

Дополнение в ч. 3 ст. 128 (в связке дополнением ч. 2 ст. 118) Конституции РФ, произведенное в 2020 г., — об арбитражном судопроизводстве — заслуживает одобрения. Ведь в реалии оно существовало изначально, с создания системы арбитражных судов, и даже раньше — есть все основания считать, что органы как государственного арбитража, так и ведомственные арбитражи времен СССР (а также иные девять организационно-правовых механизмов, наделенных тогда полномочиями по разрешению хозяйственных споров в пределах своих полномочий), в своей деятельности руководствовались нормами арбитражного судопроизводства, тогда еще не кодифицированными.

Одновременно следует всячески приветствовать введение в ч. 3 ст. 128 Конституции РФ завершающего ее положения, согласно которому порядок осуществления пяти перечисленных видов судопроизводства регулируется также (т.е. помимо Конституции РФ и федерального конституционного закона, о чем сказано в первом предложении ч. 3 ст. 128) соответствующим процессуальным законодательством. Дело в том, что из анализа текста предыдущей редакции ч. 3 ст. 128 Конституции РФ (в ред. 2014 г.) можно было сделать вывод (вырвав смысл из контекста), что порядок деятельности судов (полностью там было сказано: полномочия, порядок образования и деятельности... судов) устанавливается федеральным конституционным законом. Не что иное, как судебный процесс — различными видами судопроизводства — словосочетание «порядок деятельности судов» означать не могло. Ведь нельзя же предположить, что под этим порядком понимаются, к примеру, правила внутреннего распорядка в судах, порядок пропуска в здание суда и т.п. А все процессуальные кодексы были и будут федеральными (а не федеральными конституционными) законами. И получается — с 1993 по 2020 г. конституционное положение о том, что все судебные процессуальные кодексы должны быть в формате федеральных конституционных законов, не соблюдалось, но в 2020 г. это «недоразумение» было устранено.

Однако далее при анализе нововведений 2020 г. в ст. 128 и ее месте в гл. 7 Конституции РФ возникает более серьезный, проблемный вопрос. В ней закреплено, что руководители и судьи Конституционного и Верховного судов РФ назначаются Советом Федерации по представлению Президента РФ, а руководители и судьи других федеральных судов назначаются Президентом РФ.

Разумеется, эти назначения — конституционно значимые действия — означают, что государство доверяет назначенным осуществлять государственную, весьма важную, функцию — вершить правосудие. Безусловно, этому конституционному

регулированию место в гл. 7 Конституции РФ, где содержатся вопросы регулирования судебной власти. Правда, может быть, поближе к ее началу, сразу за ст. 119 Конституции РФ (о требованиях к судьям).

Но разве регулирование вопросов принудительного прекращения полномочий судей в случае утраты государством к ним доверия не конституционно значимые действия, положению о которых место также в гл. 7 Конституции РФ? Но в этой главе их нет сейчас после нововведений в Конституцию РФ 2020 г. И что парадоксально, до этих нововведений в Конституции РФ их вообще не было.

Может быть, разработчики проекта Конституции РФ в 1993 г. были идеалистами и искренне полагали, что вновь назначенные судьи, уже не находящиеся «под партийным гнётом» (а все без исключения судьи в СССР обязательно были членами КПСС), не будут совершать неблагоприятные поступки, а уж тем более — правонарушения, влекущие за собой последствия в виде прекращения их судейских полномочий? Похоже, что так, ведь в первоначальном тексте Закона о статусе судей 1992 г., т.е. принятого до Конституции РФ 1993 г., дисциплинарная и административная ответственность для судей не предусматривалась вовсе. Законодательно она была введена лишь Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ¹¹, и там, в числе ее видов, предусматривалось досрочное прекращение полномочий судьи.

Но есть основания полагать, что досрочное прекращение полномочий судьи — это вид не дисциплинарной, а конституционной ответственности, что автор этих строк попытался обосновать: сначала в монографии (в § 5 «Особенности механизма конституционной ответственности судьи»¹²), а затем, развивая эту тему, в предметной статье¹³. Характерно, что в эпоху советской власти прекращение полномочий судьи дисциплинарной ответственностью не являлось: в Положении о порядке выборов и организации деятельности квалификационных коллегий судей судов РСФСР, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 декабря 1989 г.¹⁴, и в Положении о дисциплинарной ответственности судей, отзыве и досрочном освобождении судей и народных заседателей судов РСФСР, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 февраля 1990 г.¹⁵, механизм дисциплинарной ответственности судьи не содержал

¹¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 51, ст. 4834.

¹² Клеандров М.И. Ответственность судьи. М., 2011. С. 494–511.

¹³ См.: Клеандров М.И. Конституционная ответственность судьи — дело послезавтрашнего дня? // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2 (26). С. 1–8.

¹⁴ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 50, ст. 1480.

¹⁵ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1990. № 10, ст. 288.

ни отзыв судьи, ни досрочное освобождение судьи от исполнения своих обязанностей в качестве меры дисциплинарных взысканий (дисциплинарными взысканиями, налагаемыми ККС на судью, тогда были: а) замечание; б) выговор; в) строгий выговор). Вопрос об отзыве судей, т.е. об их досрочном освобождении от занимаемой должности, решался не в режиме дисциплинарного производства, а соответствующими Советами (представительными органами), их избравшими на должность судьи. То же, кстати, касалось тогда и народных заседателей. В реалии же этот вопрос решался соответствующими партийными органами.

Как бы то ни было, принудительное прекращение полномочий судьи, как его ответственность за определенные действия, в откорректированной в 2020 г. Конституции РФ появилось. Но не в гл. 7 – о судебной власти, а в гл. 4 «Президент Российской Федерации». Это нововведение в форме п. «е»³ ст. 83 Конституции РФ содержит такую формулировку: «Президент Российской Федерации: ... е.3) вносит в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий».

Естественно, корреспондирующее конституционное нововведение о прекращении Советом Федерации по представлению Президента РФ полномочий названных лиц было оформлено в виде п. «л» ч. 1 ст. 102 гл. 5 «Федеральное Собрание» Конституции РФ (2020 г.).

Обращает на себя внимание, что в обоих конституционных нововведениях (о дополнительных полномочиях Президента РФ и Совета Федерации) говорится о двух основаниях принудительного прекращения полномочий перечисленных в них лиц: а) в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи; б) в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий.

В еще большей мере привлекает внимание обширный перечень судов, где полномочия лиц

(судей? или – отдельно – руководителей судов?) прекращаются Советом Федерации по представлению Президента РФ. Это: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, кассационные и апелляционные суды.

Общеизвестно, что предпосылкой и основанием конституционной реформы 2020 г. явилось Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) от 15 января 2020 г. А там (о рассматриваемой здесь проблеме) было сказано (текстуально): «И наконец, седьмое. Ключевую роль в обеспечении законности и прав граждан играет судебная система – Конституционный и Верховный суды. Подчеркну, безусловным должен быть не только профессионализм судей, но и доверие к ним. Справедливость и моральное право принимать решения, затрагивающие судьбы людей, всегда в России имели первостепенное значение. Основной Закон должен закреплять и защищать независимость судей, принцип их подчинения только Конституции и федеральному законодательству. При этом считаю необходимым предусмотреть в Конституции полномочия Совета Федерации по представлению Президента России отрешать от должности судей Конституционного и Верховного судов в случае совершения ими проступков, порочащих честь и достоинство, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, свидетельствующих о невозможности сохранения лицом статуса судьи. Это предложение делается, исходя из сложившейся практики. Этого явно сегодня не хватает (Аплодисменты)»¹⁶.

В своем Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 о поправках Конституции РФ Конституционный Суд РФ указал: «В настоящее время Конституция РФ ни в главах 1 и 2, ни в главе 7 “Судебная власть и прокуратура” не закрепляет конкретного порядка прекращения полномочий судей, определяя лишь, что полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом (статья 121, часть 2). Наделение соответствующими полномочиями Совета Федерации и Президента РФ не может рассматриваться как несовместимое со статьей 10 Конституции РФ, гарантирующей самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, и с конституционной природой судебной власти в демократическом правовом государстве, принимая во внимание, что в соответствующей процедуре участвуют Президент

¹⁶ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М., 2020. С. 43.

РФ и законодательная власть в лице Совета Федерации и она во всяком случае не допускает немотивированного и ничем не обоснованного прекращения полномочий судей, предполагая установление федеральным конституционным законом оснований и порядка такого прекращения».

И если бы во введенных в 2020 г. в Конституцию РФ положениях об отрешении от должности судей за совершение названных проступков ограничилось бы лишь судьями Конституционного и Верховного судов РФ, организационно-правовой механизм конституционной ответственности судей этих судов был бы незатейлив. Попросту потому, что судей этих судов по количественному составу немного — по штату в Конституционном Суде РФ 11 человек, а в Верховном Суде РФ — 170 (а там и вакансий сегодня немало). И судьи этих судов — люди отборные, высокоморальные, и, если, не дай Бог, кто-либо из них совершит проступок, могущий повлечь прекращение его полномочий, это будет что-то сверхординарное и уникальное (и до сих пор такого не было).

Но ведь в нововведениях 2020 г. в Конституции речь идет и о председателях, заместителях председателей и судьях кассационных и апелляционных судов, т.е. о судах второй и третьей инстанций судов общей юрисдикции и арбитражных судов. А этих судов немало: пять апелляционных и девять кассационных судов общей юрисдикции плюс один военный апелляционный и один военный кассационный, а также 21 апелляционный и 10 кассационных арбитражных судов, т.е. всего этих судов 47, и если в среднем (в самом грубом приближении) в каждом из них трудится 50 судей, то речь идет о более чем двух тысячах судей. Конечно, не все суды полностью укомплектованы — в рамках штатной численности, например, в сентябре 2020 г. ВККС России объявила конкурс об открытии вакантных должностей шести судей Второго кассационного суда общей юрисдикции; восьми судей Третьего кассационного суда общей юрисдикции¹⁷, да и с момента подачи кандидатом на должность судьи пакета документов для участия в конкурсе до назначения на должность судьи проходит в среднем год. Тем не менее это уже совсем другая ситуация, среди них потенциальных нарушителей, проступки которых могут повлечь досрочное принудительное прекращение их полномочий, заведомо больше нуля, и Совет Федерации в этом сегменте своих обширных полномочий вынужден будет действовать, эти нормы вряд ли останутся мёртвоорожденными.

Разумеется, разного рода правонарушения, за совершение которых судье следует досрочно прекратить полномочия, в основном совершают судьи

первых инстанций: мировые судьи, судьи арбитражных судов субъектов Российской Федерации, судьи районных, межрайонных, городских судов общей юрисдикции. В целом таких прекращенных полномочий (за совершение дисциплинарного проступка) немного: в 2018 г. всего 23. Хотя поступило в 2018 г. обращений граждан в ВККС России 11 295, в ККС субъектов Российской Федерации — 39 577, содержащих сведения о совершении судьей или руководителем суда дисциплинарного проступка¹⁸, т.е. в результате проверки обращений и их рассмотрения такой вид дисциплинарного наказания, как досрочное прекращение полномочий судьи, применялся редко. Но в подавляющей-то части обращений ведь содержатся требования «уволить» судью...

Конечно, как в этом сегменте Совет Федерации будет действовать — определит будущий соответствующий федеральный конституционный закон. Так, он скорее всего исправит явно дефектную формулу дисциплинарного проступка судьи. Сегодня ст. 12.1 Закона о статусе судей (в ред. Федерального закона от 31.07.2020 г. № 268-ФЗ) установлено, что дисциплинарный проступок судьи — это его виновное действие (виновное бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в т.ч. вследствие грубого нарушения прав участников процесса. Ядром этой формулы служит нарушение Закона и (или) Кодекса судейской этики. А это, раз сказано «или», означает, что само по себе только лишь нарушение Кодекса судейской этики образует состав дисциплинарного проступка судьи. И в правоприменительной практике таких случаев немало, более того, такой подход подкреплен Определением Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № КА05-527 по жалобе бывшей судьи О., где сказано: довод кассационной жалобы о невозможности оценки этичности совершенного поступка в отрыве от оценки его законности в рассматриваемом случае не может служить основанием для отмены обжалованного решения суда, поскольку вышеприведенное положение Закона о статусе судей, а также Кодекс судейской этики допускают наложение дисциплинарного взыскания на судью в связи с совершением неэтичного поступка, несовместимого с высоким званием судьи, независимо от того, нарушена ли при этом судьей норма федерального закона либо нет.

Но ведь дисциплинарная ответственность судьи (да кого угодно) — это ответственность юридическая, а нарушение Кодекса судейской этики может и должно влечь за собой свою — этическую — ответственность,

¹⁷ См.: Росс. газ. 2020. 10 сент.

¹⁸ См.: Вестник ВККС РФ. 2019. № 2 (64). С. 3, 4.

которая по определению не юридическая. И отсутствие механизма этической ответственности судьи никак не может отождествить юридическую и неюридическую (этическую) ответственность судьи.

Отрадно, что при разработке и принятии соответствующего федерального конституционного закона федеральный законодатель скорее всего исправит указанную дефектность формулы дисциплинарного проступка судьи, и Совету Федерации не придется в ходе рассмотрения вопроса о досрочном прекращении полномочий судей второй, третьей и четвертой инстанций разбираться в данной проблеме, создавая определённый прецедент.

Но высвечиваются в связи с рассматриваемыми относительно ответственности судей поправками 2020 г. Конституции РФ проблемы более серьезного характера. Придется Совету Федерации разбираться в иной, не менее сложной и наверняка в будущем — названном федеральном конституционном законе — неустранимой проблеме. Дело в том, что каждый вид дисциплинарной ответственности судей (а их теперь четыре) дифференцируется особенностями состава дисциплинарного проступка судьи в рамках изложенной выше формулы. Пункт 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей теперь установил: «Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений материального права и (или) процессуального законодательства, настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики. Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью за нарушение указанных положений при осуществлении правосудия только при наличии жалобы или обращения участника (участников) процесса о нарушении его (их) прав незаконными действиями судьи, ранее подвергавшегося дисциплинарному взысканию, если допущенные судьей нарушения носят систематический и (или) грубый характер, повлекли искажение принципов судопроизводства, свидетельствуют о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлены вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок». То есть именно Совету Федерации — его пленарному заседанию — придется досконально разбираться: есть ли и в какой полноте это доказано в действиях судьи все названные квалифицирующие признаки дисциплинарного проступка судьи. А все представленные предварительно подготовленные квалификационными коллегиями судей, комитетами и комиссиями самого Совета Федерации и иными

структурами материалы именно Совет Федерации должен будет на своем пленарном заседании проверять и перепроверять, ибо он, и никто иной, теперь будет принимать окончательное решение о досрочном прекращении полномочий судьи за совершение им конкретного дисциплинарного проступка. И вряд ли при разработке названного федерального конституционного закона изложенная формула дисциплинарного проступка судьи, за совершение которого он может быть подвергнут дисциплинарному взысканию в виде досрочного прекращения судейских полномочий, будет упрощена.

А это означает, что при рассмотрении на очередном пленарном заседании — по представлению Президента РФ — вопроса о прекращении полномочий судьи в случае совершения им поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом (какой бы он ни был по содержанию) случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий, Совет Федерации должен перейти к формату работы квазисудебного органа. То есть кроме серьезного изучения материалов дела (что можно сенаторам сделать заблаговременно) предстоит выслушать выступления «стороны обвинения», судьи, которому предъявлено «обвинение», и, как почти всегда на заседаниях соответствующих квалификационных коллегий судей, целого ряда иных лиц, могущих дать пояснения по существу дела. Обычно это сопровождается вопросами, ответами на вопросы, комментариями, выступлениями..., в т.ч. и членов ККС. Ведь эпизодов нарушений, вменяемых судье, может быть несколько. Все это, могущее быть по аналогии названо «судебным следствием», осуществляется на основе соблюдения принципа состязательности и соответственно может занять немало времени, проходить в нервном-эмоциональном режиме, подчас будет слушанием откладываться для представления дополнительных документов, приглашения экспертов и других лиц. И если по завершении заседания Совет Федерации придет к выводу, что Президент РФ (которому, естественно, материалы по проступку конкретно судьи готовили соответствующие службы) в своем представлении был не достаточно точен и «проштрафившийся» судья заслуживает более мягкого наказания, чем прекращение его полномочий, может ли Совет Федерации принять решение об объявлении этому судье, к примеру, выговора? Иными словами, вправе ли Совет Федерации изменить квалификацию проступка «проштрафившемуся» судье и изменить его ответственность с конституционной на дисциплинарную?

Но проблема здесь явно усугубляется следующим обстоятельством. Постановление Совета Федерации о прекращении полномочий судьи будет окончательным и обжалованию не подлежать? Или

не будет? Например, решения ККС (обоих уровней) могут быть по жалобам пересмотрены, например, Решение ККС Республики Крым от 8 сентября 2017 г. о дисциплинарной ответственности судьи *Е.* по ее жалобе пересматривалось ВККС РФ 24 января 2018 г. и более не обжаловалось. А решения ККС Омской области от 29 июня 2018 г. о привлечении к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи *М.* пересматривалось по ее жалобе ВККС РФ 19 сентября 2018 г., затем – Дисциплинарной коллегией Верховного Суда РФ 19 декабря 2018 г. (Решение № ДК18-73), а затем и Апелляционной коллегией Верховного Суда РФ 29 марта 2019 г. (№ АПЛ19-2Д).

А если решение (постановление) Совета Федерации о досрочном прекращении полномочий судьи нельзя обжаловать (как нельзя обжаловать постановление Конституционного Суда РФ), то не будет ли это противоречием провозглашенному в ч. 2 ст. 46 Конституции РФ положению, согласно которому «решения и действия (или бездействие) органов государственной власти... могут быть обжалованы в суд»? К тому же Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 7 марта 1996 г. жестко указал: «Никаких исключений из этого конституционного принципа законодательство Российской Федерации не допускает».

Далее. Все четыре части ст. 123 Конституции РФ, оставшиеся в 2020 г. в неизменном виде, посвящены судопроизводству, которое осуществляется, как провозглашено в ч. 3 этой статьи, на основе состязательности и равноправия сторон. Но можно ли эти два условия судопроизводства рассматривать в качестве основной цели судопроизводства, более того – в качестве главной задачи всего организационно-правового механизма судебной власти?

У автора данных строк нет сомнений, что такой целью, такой главной – стратегической – задачей являются обеспечение по всем судебным делам вынесения справедливых судебных актов, организации всего механизма судебной власти таким образом, чтобы у нас весь механизм правосудия был заострён на справедливое правосудие. На достижение этой главной цели, на решение этой главной задачи должны быть ориентированы все три составляющих механизма судебной власти – судоустройственная, судопроизводственная и судьейско-статусная, все звенья большой судебной системы страны, все ее судебные органы и их подразделения, вся судебная инфраструктура, процессуальное законодательство вкупе с судебной практикой, весь судебный корпус страны и каждый судья (как и каждый руководитель каждого судебного органа) в отдельности.

Само чувство справедливости исключительно важно для каждого отдельного человека, общества, государства, всего человечества. И. Кант говорил:

«Когда справедливость исчезнет, не останется ничего, что могло бы придать ценность жизни людей». Для нашего народа справедливость сакральна, за нее («за правду») люди шли на эшафот, стрелялись на дуэли, бунтовали, уходили в глухую тайгу... Все государственные (и муниципальные) органы призваны обеспечивать справедливость в общественных отношениях, но ведь среди государственных органов центральное, ключевое место здесь занимают суды – они для восстановления нарушенной справедливости созданы специально, в этом их изначальное предназначение.

В системе правовой организации судьейско-статусной составляющей механизма отечественного правосудия есть важная норма, закрепленная в тексте присяги судьи (ст. 8 Закона о статусе судей), в соответствии с которой приносящий присягу судья (именно в этот момент он преобразуется из кандидата на должность судьи в судью) торжественно клянется «быть беспристрастным и справедливым...». Но кроме субъективного устремления судьи к справедливости должны иметь место объективные условия для реализации этого положения судьейской присяги. Не говоря уже о том, что понимание справедливости у людей, в т.ч. у судей, весьма различается, да и у отдельного человека (в т.ч. у судьи) оно не является с течением времени неизменным.

Однако главная цель, главная задача судебной ветви государственной власти – справедливое правосудие – не провозглашено ни в ст. 123 Конституции РФ, ни в какой-либо иной ее статье (хотя в идеале ей место было бы в гл. 1 Конституции). Обеспечение же состязательности и равноправия сторон может быть лишь условием (одним из многих), направленным на вершение в судебном процессе справедливого правосудия, и каким оно может быть на практике (без ориентации на обязательности достижения справедливости), совсем недавно наглядно продемонстрировали адвокаты – представители потерпевших и подсудимого в судебном процессе по делу артиста М. Ефремова.

Разумеется, справедливость больше философская, чем правовая категория, но она для нашего народа (повторимся) – понятие сакральное, и настоячивые требования ее во всех сферах жизнедеятельности общества постоянно выявляют социологические опросы. Механизм же правосудия в системе государственных органов, общественных организаций и других структур, в той или иной мере признанных восстанавливать порушенную справедливость, является ключевым. Повышение уровня справедливости в механизме правосудия – важная (если не важнейшая) проблемная задача государства и общества (если государство несправедливо к гражданину, зачем оно гражданину нужно?). Решение этой задачи может быть обеспечено

в нескольких направлениях, каждое из которых должно иметь добротную конституционную основу.

Ключевой фигурой в механизме правосудия выступает судья, и необходим иной, более жесткий организационно-правовой механизм отбора кандидатов на должность судей и наделения их судебскими полномочиями. Нужна не только серьезная проверка кандидата по анкетным показателям, но и, что определяющее важно, его глубокая проверка психофизиологических характеристик на наличие у него чувства справедливости, выявление у него истинной мотивации к занятию должности судьи, определение морально-нравственно-этических сторон характера, черт души и проч. То есть необходимы психодиагностические исследования каждого кандидата на должность судьи (методику чего еще предстоит серьезно совершенствовать, а по ряду параметров — и создавать изначально). Конечно, решить эту задачу одними лишь правовыми средствами невозможно, необходимы усилия психологов, социологов, аййтишников и других специалистов; в основе всей этой работы должны быть положены результаты соответствующих научных исследований, для чего нужна специальная программа с необходимым финансированием и т.д.

Другое направление повышения уровня справедливости в правосудии — организационное укрепление его специализации. Ключевым понятием здесь является ответ на вопрос: какой судья вынесет по рассмотренному им в процессе делу более справедливый судебный акт? Глубокий специалист, десятилетия специализирующийся на рассмотрении дел узкой категории (например, дорожно-транспортных происшествий), прекрасно знающий в этой сфере законодательство и всю массу нормативно-правовых актов, обобщенную судебную практику, возможности и особенности экспертных исследований, научную литературу и проч., и все это — в динамике? Или же судья суда общей юрисдикции, не специализирующийся на рассмотрении дел отдельной категории, вчера рассматривавший уголовные дела, сегодня — гражданские, а завтра в связи с «производственной необходимостью» его «бросают» на закрытие прорыва в административную коллегия — там накопилось много нерассмотренных дел о неуплате налогов с доходов физических лиц (НДФЛ)?

Ответ очевиден: более справедливый судебный акт вынесет судья — глубокий специалист в сфере данной категории судебных дел; он глубже оценит доказательства по делу, лучше определит причины и условия совершения преступления, характер и степень вины подсудимого (ответчика по гражданскому делу) и проч. Ясно же, что в конкретной области специалист сильнее дилетанта.

И такой подход достоин распространения на весь механизм правосудия, в т.ч. на всю большую судебную систему нашей страны. Большую — в каком смысле? В нее входят все государственные суды страны, но не входят, разумеется, суды третейские, спортивные и т.п., т.е. в нее входят Конституционный Суд РФ, конституционный (уставные) суды субъектов Российской Федерации и все суды, возглавляемые Верховным Судом РФ. Последние тоже составляют судебную систему, в которую ныне входят две автономные (не самостоятельные) судебные системы: арбитражных судов и военных судов. К настоящему времени полностью специализированными судами можно назвать лишь конституционно-уставную ветвь судебной власти, судебную систему не составляющую.

Каким критериям должны отвечать самостоятельные, полностью специализированные системы (или — отдельные суды, в систему не входящие, — моносуды)? У них должны быть отдельными, полностью самостоятельными все три составляющих механизма правосудия: судоустройственная, судопроизводственная и судебско-статусная, т.е. в такую систему должны входить только «свои» суды, возглавляемые отдельным, собственным, высшим в стране судом; судопроизводство должно быть «своим» — отдельным видом; и «свои» судьи, которые должны изначально назначаться с учетом особенностей специализации именно этой судебной системы (моносуда), включая сдачу специального, соответствующего специализации квалификационного экзамена при отборе кандидатов в судьи.

Повторимся, сегодня у нас нет ни одной самостоятельной специализированной судебной системы, есть только специализированные моносуды — Конституционный Суд РФ и конституционно-уставные суды субъектов Российской Федерации. У них «свои» все три названные составляющие, притом что судопроизводственная составляющая представлена не в виде отдельного кодифицированного процессуального закона (как, например, в Республике Беларусь, Монголии и ряде иных стран, которые федеративными государствами не являются, в силу чего у них эту ветвь судебной власти представляет лишь единственный в государстве конституционный суд), а «вмонтирована» в «персональный» закон о каждом конкретном суде, что явно недостаточно.

Дополнением к Конституции РФ (в ред. 2020 г.), ее ст. 118 в ч. 3 вторым предложением провозглашено: судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые суды субъектов Российской Федерации.

Обращает на себя внимание, что в этом перечне нет федеральных судов по делам военнослужащих и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации.

Относительно военных судов можно такое положение объяснить тем, что п. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»¹⁹ закрепил: военные суды являются федеральными судами общей юрисдикции, входят в судебную систему Российской Федерации... Так же как это закреплено в ст. 1 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»²⁰, арбитражные суды тоже «являются федеральными судами и входят в судебную систему Российской Федерации». Причем в настоящее время и военные суды, и арбитражные суды (после ликвидации ВАС России в 2014 г.) являются автономными (не самостоятельными) судебными системами, входящими в самостоятельную судебную систему практически на одинаковых условиях. У них даже количество судебных органов схоже — около сотни, хотя количество звеньев отличается — в системе военных судов их 2: гарнизонные и окружные (флотские), а в системе арбитражных судов их 3: субъектов Российской Федерации, апелляционные и кассационные, — и обе эти системы замыкаются на соответствующие судебные коллегии Верховного Суда РФ (по делам военнослужащих и по экономическим спорам). Различия между этими обеими автономными судебными системами не принципиальны: количество арбитражных судей — 4 тыс. чел., а военных судей — около 600 (к тому же они уже давно «распогонены») и т.д. Но при этом арбитражно-судебная система — специализирована (все три составляющие ее механизма (судоустройственный, судопроизводственный и судейско-статусный) свои собственные, отдельные от системы судов общей юрисдикции), а система военных судов этой триадой не обладает, есть «своя» судоустройственная составляющая (военные суды), есть «своя» судейско-статусная составляющая (военные судьи), но нет «своей» судопроизводственной составляющей — собственного вида судопроизводства. Это даже подчеркивается: п. 4 ст. 7 Федерального конституционного закона (в действующей ред.) «О военных судах Российской Федерации» установил: «военным судам, дислоцирующимся за пределами территории Российской Федерации, подсудны все гражданские, административные и уголовные дела, подлежащие рассмотрению федеральными судами общей юрисдикции, если иное не установлено международным договором Российской Федерации». То есть

и в Российской Федерации, и за ее рубежами наши военные суды руководствуются не «своим» военно-процессуальным законодательством (которого нет, как явно нет и нужды в нем), а процессуальным законодательством судов общей юрисдикции.

Но можно и по-иному интерпретировать отсутствие в дополнениях 2020 г. к ст. 118 ч. 3 Конституции РФ упоминания о военных судах. Можно предположить, что предстоит их упразднение, но это уже высокая государственная политика (впрочем, такое развитие событий маловероятно).

Положение дел с конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации иное. Их к настоящему времени осталось всего 15, основными претензиями к ним являются: а) они рассматривают мало дел; б) они дороги для бюджетов субъектов Федерации. Но главным является критерий: нужны ли они жителям субъекта Российской Федерации? Если спроецировать на уровень субъекта Федерации полномочия Конституционного Суда РФ (сомнений в необходимости которого нет и быть не может), то следует полагать: нужны! Ведь конституционно-уставная ветвь судебной власти, хотя систему не составляет, является специализированной, у судов, в нее входящих, все три составляющие — свои. И если ходатайство гражданина, проживающего в субъекте Российской Федерации, обжалующее соответствующий акт (действие) властных структур этого субъекта, нарушивший его права и противоречащий конституции (уставу) этого субъекта Федерации, будет рассматривать специализированный, предназначенный именно для этих дел суд в режиме специализированного судопроизводства специализирующими для этого судьями (как, например, в г. Санкт-Петербурге), то вынесенный им судебный акт наверняка будет более справедливым, чем такое же ходатайство, рассмотренное судьями административной коллегии суда общей юрисдикции субъекта Федерации в режиме административного судопроизводства (как, например, в г. Москве).

Поскольку все три составляющие механизма правосудия, осуществляемого конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации, базируются на именных о таких судах законах самих субъектов Федерации (федеральные начала лишь вскользь упоминаются в п. 4 ст. 4, п. 2 ст. 17 и ст. 27 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп.) «О судебной системе Российской Федерации»²¹), то объем компетенции (сколько и какие дела ему рассматривать) определяет сам субъект Федерации. К тому же бюджетные расходы субъекта Российской Федерации на «свой» конституционный (уставный) суд могут быть

¹⁹ См.: СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3170.

²⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 18, ст. 1589.

²¹ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

сокращены до весьма низкого уровня самим законом субъекта Федерации о таком суде (например, штатных единиц в таком суде нет, законом предусматривается, что суд собирается лишь при поступлении обращения к нему, денежное содержание избранным судьям выплачивается лишь в период, когда суд рассматривает конкретное дело, и этот период не может быть больше месяца, функции аппарата такого суда на общественных началах осуществляют сотрудники кафедры конституционного права юрфака местного госуниверситета и т.д.).

Похоже, что проблемы постепенной, длящейся уже значительное время деградации конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации вызваны в большей мере причинами организационно-политического характера в тех субъектах, где эти суды упразднены либо находятся в стадии упразднения (равно в тех, где они, несмотря на принятые в отдельных субъектах Федерации законы о них, так и не созданы). Свою роль, и немаловажную, играет, безусловно, и отсутствие отдельного федерального закона о таких судах: ведь мировая юстиция — это тоже не федеральные суды, но она действует во всех субъектах Российской Федерации, и никто ни в одном из субъектов не ставит вопрос об ее упразднении.

Даже если дел, рассмотренных такими судами в том или ином субъекте Федерации, будет мало или годами их вообще не будет, это не означает, что конституционно-уставная юстиция субъектов Российской Федерации не нужна — ведь она государственная. Хорошо известно, что военно-морской флот любого государства (где он есть) самим фактом своего существования умиротворяюще действует во внешней политике своего государства, несмотря на огромную стоимость его содержания и на то, что прибавочный продукт он не производит и доход не приносит. Если в определенном субъекте Федерации такой суд «безработный», это вполне может означать, что в этом субъекте нет нарушений прав граждан со стороны властных структур региона и нет соответственно оснований к обращению в этот суд.

К тому же такой суд — это детище самого субъекта Федерации. В силу ч. 2 ст. 11 Конституции РФ государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти, а провозглашение ст. 10 Конституции разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную отнюдь не означает, что в ней речь идет лишь о федеральном уровне. Значит, субъект Российской Федерации может создать свой (субъекта Федерации) судебный орган в виде конституционного (уставного) суда, по крайней мере такие субъекты Федерации, как республики, которые ч. 2 ст. 5 Конституции РФ провозглашены государствами. А то обстоятельство, что п. «о» ст. 71 Конституции РФ

к исключительному ведению Российской Федерации относит судоустройство, в принципе можно рассматривать как относящиеся только к федеральному уровню.

Длительный период со времени принятия в 1993 г. Конституции РФ ситуация, при которой в одних субъектах Федерации были конституционные (уставные) суды, а в других их не было, означала принципиальное и массовое невыполнение положения ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, провозгласившей, что «все равны перед законом и судом».

В этом плане житель Санкт-Петербурга, где есть свой Уставный суд²², находится в более выигрышном положении по сравнению с жителем Москвы, в котором такого суда нет (несмотря на то что Закон г. Москвы об Уставном суде г. Москвы был принят еще в 2002 г.²³), поскольку при нарушении его прав, например, Законом г. Санкт-Петербурга, он за их защитой обращается в специализированную уставную юстицию; а житель Москвы в идентичных обстоятельствах такой возможности лишен и вынужден обращаться в неспециализированную (неконституционно-уставную) юстицию, что означает: эти жители разных субъектов Российской Федерации не равны ни перед законом, ни перед судом.

Повсеместное упразднение всех существующих на сегодня конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации выправит это неравенство, но одновременно упразднит специализированную конституционно-уставную (субъектов Федерации) юстицию. А это не есть хорошо по ряду причин, прежде всего потому, что в этом можно усмотреть ущемление прав и возможностей субъектов Федерации, проживающих там граждан Российской Федерации.

Весьма значимым представляется введение в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ (в ред. 2020 г.) пятого вида судопроизводства — арбитражного (помимо перечисленных ранее там конституционного, гражданского, административного и уголовного). Этот вид судопроизводства назван также и в нововведении в виде дополнения в 2020 г. в ч. 3 ст. 128 Конституции РФ.

Но введение в 2020 г. в Конституцию РФ (помимо ранее провозглашенных четырех видов судопроизводства) также арбитражного судопроизводства можно и нужно расценивать с принципиально важных позиций. Теперь можно рассматривать

²² См.: Закон Санкт-Петербурга от 05.06.2000 г. № 241-21 (в ред. от 22.07.2020 г.) «Об Уставном суде Санкт-Петербурга» // Вестник ЗС Санкт-Петербурга. 2000. № 9. С. 5.

²³ См.: Закон г. Москвы от 13.02.2002 г. № 10 (в ред. от 04.04.2012 г.) «Об Уставном суде города Москвы» // Вестник мэрии Москвы. 2002. № 12; Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2012. № 24.

арбитражно-судебную систему как систему, полностью специализированную – все три составляющие для этого теперь налицо. За исключением того, что ее высшее звено – Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ – не высший орган экономического правосудия.

Оставляя за скобками важный вопрос: а правильным ли шагом было упразднение в 2014 г. ВАС России – высшего органа экономического правосудия в нашей стране (по мнению автора этих строк, это было ошибочное решение), – есть смысл вкратце рассмотреть, какой хотелось бы видеть организацию большой судебной системы Российской Федерации в идеале (а если идеал недостижим, то в форме, максимально приближенной к идеалу).

Базовой целью стремления к названному идеалу опять же должно послужить стремление к формированию механизма правосудия, максимально способного обеспечить вынесение именно справедливых судебных актов, что, как сказано выше, может быть обеспечено в т.ч. и углубляемой специализацией механизма правосудия в общегосударственном масштабе.

В чем усматривается несовершенство в вопросе специализации высшего судебного органа нашей страны – Верховного Суда РФ? В том, что в состав как его Пленума, так и Президиума входят судьи различных судебных коллегий, т.е. различных судебных специализаций. Нет сомнения, что все судьи Верховного Суда РФ – профессионалы очень высокого уровня, но наверняка каждый – в сфере своей судебной специализации. И получается, что принимает соответствующие постановления что Пленум (например, по обобщению судебной практики по отдельным категориям дел), что Президиум (по конкретным делам в порядке надзора) коллектив судей, в большинстве своем состоящий из неспециалистов (в том понимании, что судья Судебной коллегии по уголовным делам вряд ли может быть специалистом высокой квалификации по гражданским делам, хотя могут быть и исключения...) по рассматриваемому и голосуемому большинством голосов вопросу.

Эта ситуация очень напоминает механизм защиты кандидатских и докторских диссертаций, существовавший в СССР до 1976 г. В многопрофильном госуниверситете (а их и тогда было в СССР много, и там как раз и защищалась подавляющая часть диссертаций) диссертации защищались на заседании ученого совета этого университета. Данный совет состоял из членов – представителей всех факультетов университета. То есть соответствие защищаемой диссертации, к примеру, по теме «Виктимологическое влияние поведения жертвы преступлений сексуального характера на степень, глубину и продолжительность преступления» (чисто

узкоюридическая тема) предъявляемым к диссертациям требованиям (наличие научной новизны, личный вклад соискателя, глубина проработки проблемы, методика проведенного исследования и проч.) оценивали физики, химики, философы, специалисты в сфере истории КПСС, научного коммунизма, научного атеизма, политэкономии социализма... и голосованием присуждали ученую степень соискателю или отказывали в присуждении, в диссертации которого ничего (или почти ничего) не понимали. В литературе того периода указывалось даже, что высказывалось мнение о перенесении защиты диссертаций в советы лабораторий, секторов, кафедр, конструкторских бюро, исходя из тезиса о том, что на современном этапе «процесс дифференциации и специализации наук зашел столь далеко, что даже ученые, работающие в составе одной кафедры или сектора, не всегда оказываются в состоянии быть “судьями” по новым для науки проблемам, разработанным их же товарищами. Еще менее этими судьями могут быть члены совета, работающие в других кафедрах или секторах»²⁴.

В Высшем Арбитражном Суде РФ работали судьи, прекрасно разбиравшиеся в экономических правоотношениях, в экономическом правосудии, соответственно и Президиум ВАС России, и его Пленум состояли из таких же специалистов, и, что самое главное – принимаемые ими постановления были окончательными, т.е. экономическое правосудие по всей без исключения вертикали звеньев арбитражно-судебной системы было специализированным. С упразднением в 2014 г. ВАС России эта специализированность утрачена.

Как известно, подлинная фундаментальная наука требует полностью открытого восприятия, без какого-либо фильтра, в форме установившихся в обществе догм, правил, воззрений... Значит, позволительно будет высказать мнение: упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ было решением ошибочным, создание в структуре Верховного Суда РФ Коллегии по экономическим спорам упраздненный ВАС России даже в малейшей степени не заменило.

Более того, в целях радикального, по сути, стратегического решения проблемы углубления специализации всего механизма отечественного правосудия, всех трех его составляющих следовало бы создать пять (по числу самостоятельных видов судопроизводства) полностью самостоятельных судебных систем: конституционного правосудия, гражданского правосудия, административного правосудия, экономического правосудия и уголовного

²⁴ Лебин Б.Д. Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР. Вопросы истории и правового регулирования. М.–Л., 1966. С. 148 (со ссылкой на: Федькин Г.И. Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М., 1958. С. 234).

правосудия. Каждая из этих систем возглавляется (в основном в процессуальном плане) своим Высшим или Верховным судом (а конституционно-уставная судебная система — федеральным конституционным судом); каждая состоит из двух, трех или четырех судебных звеньев; каждая финансируется отдельной строкой в Федеральном бюджете; каждая комплектуется специализирующимися на «своем» виде судопроизводства судьями и т.д.

Нынешнюю ситуацию, когда в одном судебном органе (районном, субъекта Федерации...) работают взаимозаменяемые судьи в трех видах судопроизводства — гражданском, уголовном и административном (включение их в соответствующие коллегии не препятствует их переводу в иные коллегии этого же судебного органа), благополучной и даже нормальной (в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы) считать невозможно.

В то же время, например, в Республике Узбекистан ныне действуют областные, Ташкентский городской, межрайонные, районные (городские), т.е. отдельные суды по гражданским делам, по уголовным делам, административные, экономические, и все эти суды — отдельные судебные органы, каждый такой суд — суд «своей» юрисдикции.

А в ФРГ функционируют пять отдельных, самостоятельных судебных систем, не считая Федерального конституционного суда и конституционных судов 15 земель, которые в совокупности судебную систему не составляют. Это: 1) система судов общей юрисдикции во главе с Федеральным верховным судом: участковые суды, земельные суды, высшие суды земель и Федеральный патентный суд, входящий в эту систему; 2) система общей административной юстиции (51 административный суд, 14 высших административных судов и Федеральный административный суд); 3) система финансовой юстиции (18 финансовых судов земель и Федеральный финансовый суд); 4) система судов по трудовым делам (111 судов по трудовым делам, 18 высших судов земель по трудовым делам и Федеральный суд по трудовым делам); 5) система судов по социальным вопросам (59 судов по социальным вопросам, 16 высших (земельных) судов по социальным вопросам и Федеральный суд по социальным вопросам). Имеется и Общий сенат высших федеральных судов, учрежденный в 1968 г. с целью обеспечения единства судебной практики, в состав которого входят председатели высших федеральных судов, председатели сенатов соответствующих высших федеральных судов и по одному судье от каждого из этих сенатов, заседания которого созываются, когда Высший федеральный суд намерен иначе

решить вопрос права, чем он решается другим Высшим федеральным судом или Общим сенатом²⁵.

Да и у нас 20 лет назад имела место попытка создания отдельной судебной системы административных судов, правда, не самостоятельной как арбитражно-судебная, а автономной²⁶.

Проблемы непересечения юрисдикции каждой из пяти названных, полностью самостоятельных судебных систем, которые наверняка в правосудной деятельности так или иначе будут возникать, несложно будет решать совместными постановлениями двух (или всех) высших судов. Благо, такой опыт есть — в 90-х годах прошлого века были приняты несколько совместных постановлений Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов.

Но будет ли после этого весь совокупный организационно-правовой механизм правосудия страны функционировать как симфонический оркестр — гармонично сочетать цели, задачи и т.д. каждой судебной системы, каждого судебного органа, каждого судьи, обеспечивая справедливость в судопроизводстве? Смогут ли это обеспечить будущая законодательная база (даже если она в значительной части примет кодификационные формы), обобщенная судебная практика и т.д.?

Вряд ли. Симфонию — прекрасное, гармоничное сочетание звуков, создаваемых многочисленными музыкальными инструментами симфонического оркестра, обеспечивают не только ноты, имеющиеся у каждого музыканта оркестра, но и дирижер оркестра. А такого дирижера в механизме судебной власти нет, не было его и до конституционной реформы 2020 г., не предусмотрен он и конституционными нововведениями. Однако он предлагался в проекте (ельцинском!) Конституции РФ.

Дело в том, что сама судебная власть — это не только непосредственно правосудная деятельность судей и судов. Ее сегодня обеспечивает огромная судебная инфраструктура: аппараты судов, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Российский государственный университет правосудия, органы судейского сообщества, издательская деятельность многих судебных органов и проч., занимающиеся решением вопросов финансового, материально-ресурсного, кадрового, информационного, законно (и норма) проектного и т.д. характера.

²⁵ См. подр.: Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энциклопед. изд.: в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М., 2019. С. 62–76.

²⁶ Как известно, федеральный конституционный законопроект № 7886-3 «О федеральных административных судах в Российской Федерации», подготовленный Верховным Судом РФ, был внесен в Государственную Думу 21 сентября 1999 г., а снят с рассмотрения (исключен из плана работы Госдумы) лишь 11 июня 2013 г.

Для решения всех этих вопросов необходим соответствующий конституционный государственно-властный орган, олицетворяющий судебную ветвь государственной власти (как палаты Федерального Собрания олицетворяют законодательную ветвь, а Правительство РФ – исполнительную ветвь), не являясь при этом судебным органом. Такие конституционно закрепленные органы есть в половине государств мира, есть и в шести из 10 государств – участников СНГ. Вопрос о создании такого органа в нашем государстве поднимался не только в ходе работы над проектом Конституции РФ в 1993 г. (и был начисто исключен из него после «черных» дней октября 1993 г.), но и в 2000–2001 гг. – в ходе работы Рабочей группы по вопросам совершенствования законодательства Российской Федерации о судебной системе, образованной Распоряжением Президента РФ В.В. Путина от 28 ноября 2000 г. № 534-рп²⁷ (т.е. вскоре после того, как он был избран Президентом РФ). Так что наработки в этой области у нас есть, и серьезные.

Вот такой орган и будет «дирижером» всего механизма правосудия Российской Федерации, обеспечивающим независимость судов и судей, вершащих справедливое правосудие. Оптимальным его наименованием было бы – Совет судебной власти Российской Федерации. Его отсутствие (а рассредоточенные функции, которые он консолидировал бы, разбросаны по множеству государственных органов, органов судейского сообщества и проч.) привело к тому, что у нас нет стратегии развития механизма судебной власти, нет органа, способного обеспечить подлинную ее независимость, и т.д. Федеральные целевые программы (сейчас действует третья – на период 2013–2021 гг.) разрабатывались Минэкономразвития России, ему же доверено и обеспечение индикаторов и показателей этих программ: укрепление независимости судей, повышение престижа суда, повышение доверия общества к правосудию, повышение качества правосудия и т.п., что, очевидно, данное министерство, как и любой иной орган исполнительной ветви государственной власти, обеспечить не в состоянии.

Особенно значимо отсутствие в нашей стране этого органа сказалось на осуществлении правосудия в период резкого обострения коронавирусной пандемии. Экстраординарные обстоятельства, реально угрожающие жизни и здоровью многих людей – участников судебных процессов, настоятельно требовали скорейшего перехода судопроизводства в режим экстремального судопроизводства – с соблюдением требований открытого разбирательства дел во всех судах, осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 1, 3 ст. 123 Конституции РФ).

Но некому было ни по Конституции РФ, ни по федеральному законодательству переводить механизм правосудия на экстремальные рельсы функционирования (да и само государство к этой пандемии фактически оказалось не готово – ни организационно, ни законодательно). Поэтому данную функцию взяли на себя Президиумы Верховного Суда РФ и Совета судей РФ, принявшие соответствующие постановления 8 апреля 2020 г. и 29 апреля 2020 г., не имея на это, в принципе, соответствующих полномочий. Неудивительно, что в правосудной деятельности того периода можно обнаружить пренебрежение конституционными ценностями. В СМИ, в частности, отмечается: «Завершая почти 40 страниц судебного решения, содержащего длинные цитаты из законов и не содержащие подробного правового анализа, Мосгорсуд напоминает – для чего ограничения были введены: отдельные конституционные права могли быть и были ограничены для сохранения важнейшего конституционного права на жизнь для многих»²⁸.

А ведь проявления иных пандемий, как и крупномасштабных катастроф природного и техногенного характера, требующих оперативного принятия мер экстренного характера, в т.ч. в сфере правосудия (при этом без объявления режима чрезвычайного положения), в будущем исключить невозможно.

* * *

Частично высказанные выше замечания и предложения могут быть учтены в рамках действующей (с поправками 2020 г.) Конституции РФ. Некоторые потребуют новой корректировки – в рамках гл. 3–8 Конституции РФ, что, без сомнений, будет иметь место лет через пять (ведь серьезная ее корректировка 2020 г. произошла всего через шесть лет после корректировки 2014 г., упразднившей ВАС России). Но, может быть, через несколько лет общество потребует серьезной корректировки положений первой и второй глав Конституции РФ, а значит, разработки и принятия новой Конституции РФ, и вот там можно будет реализовать в полной мере уже сейчас назревшую судебную реформу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль “Ex ante” как институт отечественного зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С. 7–18.
2. *Джаваханян Р.М.* Судебная власть: в поисках конституционного баланса // Современное право. 2020. № 3. С. 6–13.

²⁷ См.: СЗ РФ. 2000. № 49, ст. 4815.

²⁸ Ведомости. 2020. 17 мая.

3. *Клеандров М.И.* Конституционная ответственность судьи – дело послезавтрашнего дня? // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2 (26). С. 1–8.
4. *Клеандров М.И.* Ответственность судьи. М., 2011. С. 494–511.
5. *Корсаков Д.Н.* О поправках в Конституцию Российской Федерации, регулирующих статус и полномочия органов судебной власти // Росс. юстиция. 2020. № 7. С. 55–58.
6. *Лебин Б.Д.* Подбор подготовки и аттестация научных кадров в СССР. Вопросы истории и правового регулирования. М.–Л., 1966. С. 148 (цит. по: *Федькин Г.И.* Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М., 1958. С. 234).
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М., 2020. С. 43.
8. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996. С. 476 (автор – д-р юрид. наук С.В. Боботов).
9. *Стеничкин Н.Г.* Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex Russica. Т. 73. 2020. № 5 (162). С. 41–52.
10. Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энциклопед. изд.: в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М., 2019. С. 62–76.
11. *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.
2. *Javakhanyan R.M.* Judicial power: in search of constitutional balance // Modern law. 2020. No. 3. P. 6–13 (in Russ.).
3. *Kleandrov M.I.* Constitutional responsibility of the judge – the case of the day after tomorrow? // Journal of constitutional justice. 2012. No. 2 (26). P. 1–8 (in Russ.).
4. *Kleandrov M.I.* Responsibility of the judge. M., 2011. P. 494–511 (in Russ.).
5. *Korsakov D.N.* On amendments to the Constitution of the Russian Federation regulating the status and powers of judicial authorities // Russ. justice. 2020. No. 7. P. 55–58 (in Russ.).
6. *Lebin B.D.* Selection of training and certification of scientific personnel in the USSR. Questions of history and legal regulation. M.–L., 1966. P. 148 (Cit. by: *Fedkin G.I.* Legal issues of the organization of scientific work in the USSR. M., 1958. P. 234) (in Russ.).
7. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation (On the situation in the country and the main directions of domestic and foreign policy of the state). M., 2020. P. 43 (in Russ.).
8. Article – by-Article commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. by Yu. V. Kudryavtsev. M., 1996. P. 476 (author – Doctor of Law S.V. Bobotov) (in Russ.).
9. *Stenichkin N.G.* Ensuring the independence and independence of the judiciary in the context of the constitutional reform of 2020 // Lex Russica. Vol. 73. 2020. No. 5 (162). P. 41–52 (in Russ.).
10. Judicial systems of Europe and Eurasia: scientific and encyclopedic publication: in 3 vols. Vol. 1. Western and Northern Europe / ed. by R.A. Kurbanov, R.A. Gurbanov. M., 2019. P. 62–76 (in Russ.).
11. *Ebzeev B.S.* Actualization of the Constitution of Russia: collective image of amendments of the President of the Russian Federation V.V. Putin and new meanings of the Basic Law // State and Law. 2020. No. 4. P. 7–24 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L.* Amendments of 2020 to the Constitution of the Russian Federation. Constitutional control “Ex ante” as an institution of domestic and foreign constitutionalism // State and Law. 2020. No. 5. P. 7–18 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia